

летворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru, shinkari@mail.ru

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

Борис Михайлович Игошев
Анатолий Прокопьевич Чудинов
Эдуард Владимирович Будаев
Мария Борисовна Ворошилова
Наталья Борисовна Руженцева
Александр Михайлович Стрельников

РАЗДЕЛ 1.

ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ричард Д. Андерсон (мл.)

Лос-Анджелес, США

Перевод: Чащина С. С., Шабанова Т. А.

**КАУЗАЛЬНАЯ СИЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЕТАФОРЫ**

Abstract

This article is a result of author's reflection on political metaphor and its power to cause political phenomena. On the concrete example of the democratization process in Russia, the author shows the process of transition from the metaphors of the Soviet authoritarianism to those of the electoral Russian politics. It is argued that the change in the political phenomena is caused by the change in metaphors (and no other cause has been found so far) through their capacity to cue recognition of social identity. Political leaders by using different kinds of metaphors can establish a certain pattern of social identification typical of democratic or undemocratic rule and thus transform the behavior of the population and determine the social and political reality in terms of this or that regime.

Когда говорят о том, что метафоры обладают каузальной силой в отношении политических событий, то у политологов это часто вызывает возражения, которые редко носят конкретный характер. Вместо обоснованных аргументов наши оппоненты отвечают удивлением и даже возмущением. Истину можно прояснить, показав, каким именно образом проявляется каузальная сила метафоры в отношении политических событий. Ниже предлагается такое обоснование, кото-

рое начинается с краткого определения каузальности и рассмотрения возможности метафоры соответствовать этому определению. Далее рассматриваются связи между изменением метафор и политическими переменами, а затем проводится анализ того, каким образом метафоры и другие лингвистические явления могут обладать каузальной силой в политике. Безусловно, так как метафора является только одним из множества средств влияния дискурса на политику, каузальная переменная является, скорее, дискурсом в общем, нежели метафорой в частности, но так как дискурс всегда использует прием метафоры наряду с другими лингвистическими средствами, метафоры также обладают свойством каузальности.

Каузальность и метафоры. В своем учебнике по методологии, уже ставшем общепризнанным авторитетом, выдающиеся политологи Гэри Кинг, Роберт О. Кеохан и Сидни Верба приводят следующее определение каузальности: «Эффект каузальности – это различие между систематическим компонентом, при котором экспланаторная переменная приобретает одно значение, и соответствующим систематическим компонентом, при котором экспланаторная переменная приобретает иное значение (при снятии акцента с первого из них).

Выражаясь проще, это определение сводится к утверждению того, что какое-то X служит причиной Y при выполнении трех условий. Во-первых, X и Y должны быть переменными, то есть должны обладать способностью принимать более чем одно значение и поддаваться наблюдению. Г. Кинг, Р. Кеохан и С. Верба утверждают, что в естественных науках переменные состоят из двух компонентов – систематического и произвольного, при этом последний компонент изменяет скорее оценку каузального эффекта, чем его определение. Во-вторых, при изменении в X должно появиться и изменение в значении Y. В-третьих, X должен быть «экспланаторным». Изменение в X должно тем или иным образом «объяснять» Y. Это третье условие, конечно, весьма неясно: что означает «объяснять»? Несмотря на неясность, в экспланаторности выделяются два элемента: один из них довольно легко поддается определению, другой – нет. Легко определяемым эле-

ментом является предшествование: именно экспланаторная переменная меняет свое значение в первую очередь. Другим элементом является то основание, по которому изменение в экспланаторной переменной должно привести к изменению в другой переменной. Именно эта необходимость в основании и приводит к неясности условия, так как основание, по которому одна причина приводит к одному следствию, может, конечно, быть отличным от основания, по которому другая причина приводит к другому следствию. Будучи специфичным для каждого отдельного сочетания причины и следствия, значение «экспланаторности» не может быть определено вне контекста.

Если придерживаться определения Г. Кинга, Р. Кеохана и С. Вербы, метафоры могут выполнять функцию каузальности. Метафоры явно соответствуют первому условию. Они меняются, и особой изменчивостью обладает частотность употребления той или иной метафоры. Изменение показывает систематический компонент. В своей работе по метафоре, уже ставшей классической, Дж. Лакофф и М. Джонсон показывают, что метафора состоит не просто из отдельных примеров оригинального образного языка, а из повторяющихся и распространенных языковых моделей, которые людям, вовлеченным в коммуникацию, могут даже показаться буквальными. Семантика каждого естественного языка состоит из большого и разнообразного набора метафорических моделей, где наиболее известным примером является метафора «СПОР – это ВОЙНА». Так, англичане в споре *атакуют позиции* друг друга и *защищаются от вооруженных нападений* и *вылазок* своих противников в споре. Выбор коммуникантами метафор из этого набора определяет смысл, которым они обмениваются.

Что касается политики, способность метафоры удовлетворять второму условию является вопросом эмпирическим. Если есть возможность показать, что изменение в выборе коммуникантами метафор (особенно изменение в частотности их употребления) меняется в соответствии с политическими переменами, то можно сказать, что метафора удовлетворяет второму условию каузальности. Третье условие является частично эмпирическим и частично теоретическим. От-

крытие эмпирической связи между изменением в метафорах и политическими переменами оставляет открытым вопрос о том, что же из них каузально, но обнаружение того, что метафорическое изменение предшествует политическим переменам, закрывает этот вопрос. Сама проблема носит теоретический характер: как метафоры могут изменять политику? И в особенности, почему нужно считать, что изменение в метафорах и политические перемены не являются следствием какой-либо другой, «более глубокой», «основополагающей» причины, такой, как экономический прогресс, социальное разделение или трансформация установок?

Метафоры и политические перемены: исследование процесса демократизации на конкретном примере. Изучение того, как метафоры могут изменять политику, было бы нелишним продолжить на конкретном примере. Безусловно, на единичном примере невозможно продемонстрировать каузальную силу метафор. Но рассмотрение любого единичного примера запускает процесс их накопления, который со временем может сложиться в эмпирический тест на каузальность. Представленный здесь пример относится к трансформации советского авторитаризма в современную российскую политическую систему, основанную на выборности. Анализ начинается с рассмотрения связи между политическими переменами и изменением метафор, в условиях предшествования последнего. Далее предполагается выделить основания, по которым метафорическое изменение должно приводить к политическим переменам.

Между 1985 и 1991 годами произошло крушение советского авторитаризма, и в самой большой из советских республик политическая система начала базироваться на выборности власти. Хотя полемика по поводу того, можно ли в свете произошедших изменений считать Россию демократическим государством, оставалась открытой, способ выбора российских руководителей коренным образом изменился. В советский период Россией управляла группа из десяти-пятнадцати человек, которая составляла Политбюро Центрального Комитета Компартии. Уполномоченные решать на свое усмотрение любые вопросы, члены Политбюро выбирались Центральным Ко-

митетом, число членов которого могло достигать трехсот человек. Тем не менее, даже в этих выборах Политбюро баллотировалось единым списком, предложенным самими членами. Также само Политбюро заранее решало, кого избрать в Центральный Комитет. В отличие от такой системы, с 1990 года Россией управляла законодательная власть, выбираемая в результате многопартийных выборов, в которых право голоса имел каждый взрослый человек. С 1991 года законодательная власть делит свои полномочия с избираемым президентом. Но если выборы законодательной власти в 1990 году прошли в обстоятельствах, которые склонили их результаты в пользу кандидатов от коммунистической партии, конституционный кризис 1993 года привел к принятию новой Конституции. Несмотря на то, что новая Конституция, возможно, чрезмерно урезала права законодательной власти в пользу исполнительной и поэтому, возможно, склонила результаты президентских выборов в пользу кандидата на переизбрание, сама законодательная власть выбирается на основании правил, которые не дают ни одной партии никаких несправедливых преимуществ. Партии, находящиеся в оппозиции к действующему президенту, часто выигрывали выборы.

Таблица 1 показывает связь между этими переменными в российской политике и частотностью употребления определенных метафор в публичных обращениях руководителей СССР. Таблица показывает частотность (на тысячу слов текста) употребления двух видов метафор – выражающих относительный размер и выражающих личное превосходство или субординацию. Метафоры размера выражены пятью основными прилагательными: *большой, крупный, широкий, высокий и великий*. Если включаются еще более трудные для понимания прилагательные *титанический* или *гигантский*, то общая частотность употребления соответствующих имен в авторитарный период по сравнению с перестроечным и современным периодами немного увеличивается. Метафоры личного превосходства или субординации включают в себя следующие:

- метафора, сравнивающая авторитарное правление с воспитанием;
- метафора, сравнивающая полити-

ческое руководство с людьми выдающихся интеллектуальных возможностей или с людьми, выполняющими интеллектуальную работу»;

- метафора, сравнивающая политическую деятельность с заданием, данным авторитетным лицом, с задачей, которую предлагает учитель;

- метафора, сравнивающая политическую систему с военизированной структурой.

В эту группу не входит *перестройка*, которая означает трансформацию или реорганизацию, но не подразумевает субординацию. Для русского человека «строительство» означает приведение в порядок.

Цифры, показывающие частотность метафор авторитарного, перестроечного и современного периодов, представлены по трем блокам, каждый из которых состоит из 50-ти политических текстов. Блок пятидесяти текстов авторитарного периода представляет собой высказывания членов правящего Политбюро. Они состоят из печатных версий сорока девяти речей и одного «интервью», относящихся к периоду между 1966 годом и февралем 1985 года. Блок текстов перестроечного периода также представляет собой высказывания членов Политбюро. Они также состоят из речей или интервью (появившихся в устном виде, а затем отредактированных и напечатанных в газетах), датированных 1989 годом, когда результатом реформ Михаила Горбачева стало образование законодательного органа, частично избираемого в результате многопартийных выборов. Блок 50-ти текстов современного периода состоит из высказываний известных политиков. Они состоят из речей, печатных версий устных интервью с журналистами, газетных или журнальных статей конкурентов в борьбе за политическую власть. Политики представлены по всему политическому спектру, включая нескольких политических экстремистов и центристов. Эти тексты появились в период между октябрём 1991 года, когда российский президент Борис Ельцин уже находился у власти после провала августовского путча, и декабрем 1993, когда российская законодательная власть впервые была избрана согласно новой Конституции.

В таблице также представлены два показателя, обозначенные как «Язык

1977» и «Язык 1993». Эти цифры показывают частотность одних и тех же лексем в двух больших примерах (каждый объемом около миллиона слов) из широкого диапазона разнообразных российских текстов. Советская исследовательская группа опубликовала первую цифру в 1977 году, в то время как Шведская исследовательская группа опубликовала вторую цифру в 1993 году. Эти две цифры интерпретируются как частотность данных лексем в русском языке. Так как частотные словари не проводят различий между метафорическим и буквальным употреблением рассматриваемых лексем, цифры завышают частотность, с которой метафоры употребляются в обычной речи. В политических текстах, наоборот, буквальное употребление почти не встречается, за исключением упоминаний строительства, которые в расчет не принимались. Более того, показатель 1977 года, полученный в результате анализа текстов периода советской цензуры, содержит большую часть политизированных текстов, которые склоняют его к авторитарной норме. Хотя показатель 1993 года включает литературные тексты, датированные 1960 годом, он не включает публицистические тексты до 1985 года. Таким образом, корпус текстов, в цифровом виде представляющий язык 1993 года, исключает политические тексты периода до прихода к власти М. Горбачева.

Таблица 1. Метафоры размера, личного превосходства (субординации) в русском языке авторитарного, перестроечного и современного периодов.

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики и показателю языкового употребления.

Тип политики	Метафоры размера	Метафоры личного превосходства (субординации)
Авторитарный	11.5	6.8
Перестроечный	6.0	3.1
Современный	3.8	1.6
Язык 1977	5.3	1.6
Язык 1993	3.8	1.6

Как показывает таблица 1, по мере того, как политика начинала приобретать

выборный характер, политическая элита использовала намного меньше метафор размера и личного превосходства (субординации). Если метафоры размера придавали авторитарному дискурсу то качество, которое один советский лингвист определил как «монументальность речевых форм и резонанса», в перестроечный период эта монументальность уменьшилась, а в современный период исчезла. Хотя темп снижения частотности использования зависит от особенностей конкретной метафоры, все эти метафоры наименее частотны в текстах современного периода. В действительности единственной метафорой субординации, сохранившейся в этом периоде, является *задача*, в то время как редкие примеры других метафор становятся либо негативными комментариями к авторитарному прошлому, либо превращаются в метафоры другой, неполитической сферы. Частотность употребления самой метафоры *задача* уменьшается, и, в отличие от метафор военной субординации, воспитания или интеллектуального превосходства, полностью вписывается в современную политику. Даже при современном государственном строе сами политики представляют себя в качестве авторитетных лиц, могущих управлять социальными процессами. Английский эквивалент этого слова, «проблема», употребляется как в педагогическом, так и в политическом дискурсе (напр., «политическая проблема», «социальная проблема»); так же и *задача* употребляется в русском языке как в сфере образования, так и политики. Удивительно, что для обоих типов метафор показатель частотности употребления в современном периоде идентичен одному или обоим показателям частотности в языковом употреблении. Но не следует придавать этому необычному совпадению слишком большое значение, т.к. употребления в буквальном значении, включенные в два языковых показателя, означают то, что метафорические употребления должны быть несколько менее частотными, чем в текстах современного периода. Тем не менее, можно с определенной долей уверенности заключить, что снижающаяся частотность употребления в трех видах политических текстов стремится к средней частотности употребления в языке.

Рассмотрение конкретных контекстов показывает, что эти метафоры могут не нести никакой дополнительной семантической нагрузки. Характерным примером из авторитарного дискурса является предложение (1), произнесенное Михаилом Суловым (членом Политбюро, ответственным за пропаганду), в своей речи в 1979 году.

(1) Передовики показывают высокие образцы отношения к своим обязанностям перед обществом.

Так как русское слово *образец* (и его английский перевод) несут в себе похожие коннотации идеального качества, которому должны подражать другие, прилагательное «высокий» является избыточным. Это предложение имеет одинаковое семантическое значение вне зависимости от употребления метафоры «высокий». Хотя метафора почти не изменяет смысл, она, тем не менее, выполняет прагматическую функцию. Прагматику интересует цель, которую говорящий надеется достичь путем коммуникации. При анализе высказывания надо учитывать не только его содержание, но и его (предполагаемое) воздействие на адресата. Во всех культурах люди понимают высоту как метрическую шкалу, располагая нормальное, обычное или повседневное посередине этой шкалы. Таким образом, упоминание о чем-либо «высоком», как в предложении (1), выводит то, что называется «высоким», за пределы нормального или обычного.

Таким образом, метафора, использованная М. Суловым, сообщила его слушателям, что добросовестный труд, к которому призывала коммунистическая партия, должен превышать его обычный уровень, и данная метафора поставила цели Компартии выше целей людей. Описание руководителей как субъектов воспитания и противопоставление их остальным «трудящимся» должно было способствовать достижению прагматической цели – поднять коммунистическое руководство над всеми остальными людьми. Метафоры, характеризующие всех остальных как получателей задания Партии, или как стоящих в военном строю Партии, сообщают всем остальным, что они подчиняются коммунистам. Как отмечает Талми: «В парных антонимичных прилагательных, обозначающих в основном размер, протяженность, вы-

соту, структуру, громкость, яркость, скорость, вес и пр., прилагательное с положительным смыслом передает как значение обладания качеством (т.е. положительный экстремум), так и родовое значение самого качества (т.е. немаркированный член). Это происходит по той причине, что положительный экстремум обладает большей *перцептивной выделенностью*».

Усиливая свою перцептивную выделенность, метафоры коммунистических ораторов делали их более важными и представляли в позитивном свете по отношению к населению. Эти метафоры также приписывали им самим качества, которые, как подразумевалось, отсутствовали у населения. Именно из-за этих прагматических сообщений девять метафор в таблице 1 включили в себя почти 2% всех слов, употребляющихся в речах авторитарного периода.

В перестроечный 1989 год частотность утверждения превосходства целей и руководителей Компартии, а также социальной субординации снизилась даже в дискурсе самих лидеров Компартии, Политбюро, хотя в учреждениях или политических способах, которыми они выбирались, ничего не изменилось. Несмотря на то, что было введен новый политический институт, названный Съездом Народных Депутатов, часть которых была выбрана в ходе довольно честных выборов, проигранных несколькими известными коммунистическими руководителями. Сами члены Политбюро в этих выборах не участвовали, за исключением некоторых, тщательно отобранных Центральным Комитетом. В это время частотность метафор размера и превосходства (субординации) снизилась, одновременно в речах и интервью членов Политбюро начала расти частотность нового вида метафор, что показано в таблице 2. Этот новый вид метафор имел корни, заимствованные из латинского языка, хотя большинство этих слов имеет точные семантические эквиваленты в славянской этимологии. В коммунистическом дискурсе эти латинские слова использовались только в контексте международной дипломатии. Как показывает частотность употребления 1977 года, раньше они были крайне редки в России, а некоторые в корпусе текстов 1977 года совсем не употреблялись. Включая ла-

тинские метафоры в дискуссии по вопросам внутренней политики, особенно слово *диалог*, коммунистические руководители неявно сравнивали отношения между Партией и обществом с переговорами между равными независимыми структурами. При анализе корпуса текстов, взятых из прессы горбачевского периода, язык 1993 года обнаружил даже большую частотность этих метафор – явный признак общепризнанного факта, что диалог с обществом был более популярен среди журналистов и интеллигенции, чем среди членов Политбюро.

Неохотный призыв к переговорам вызвал у лидеров Компартии необходимость в собеседнике. В результате, метафора «общество» стала более частотна в 1989 году, и, как показывает предложение (2), само общество приобрело новые дискурсивные качества. В предложении (2), взятом из речи М. Горбачева, «общество» приобрело способность к свободным действиям, что в авторитарном дискурсе абсолютно отрицалось. Наделение общества такой способностью дало Компартии возможность найти партнера для переговоров, к которым сейчас призывал дискурс ее лидеров. В период после 1991 года употребление слова «общество» вернулось к языковой норме.

Таблица 2. Метафоры общности и переговоров

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики и показателю языкового употребления.

Политика	Переговоры	Общество
Авторитарная	0.3	1.2
Перестроечная	2.2	3.7
Современная	1.9	1.2
Язык 1977	(0.04)	0.8
Язык 1993	3.7	0.8

(2) Партия только укрепит свои позиции, если она будет взаимодействовать ... со всем обществом...

Хотя дискурс Политбюро 1989 года по сравнению с авторитарным периодом заметно изменился, институты, при помощи которых избирались его члены, остались на тот момент совершенно неизменными. Политбюро все еще оставалось руководящей исполнительной вла-

стью СССР, хотя в течение 1989 года его силы неуклонно ослабевали по мере того, как российское общество и общественность других советских республик отвечали на призывы Политбюро к политической активности. Когда Политбюро исчезло, новые политические силы в нарождающейся российской демократии оставили метафору переговоров между государственной властью и обществом. Случаи упоминания общества и переговоров стали реже, и в предложении (3), взятом из речи российского президента Б. Ельцина, подчинение государственной власти обществу теперь определялось другой метафорой.

(3) Нужно, чтобы с помощью Конституции общество поставило государство себе на службу...

Среди метафор, связанных с международными переговорами, увеличилось только количество упоминаний слов «стабилизация» и «стабильность» в корпусе текстов современного периода. Кроме того, они начали относиться больше к обществу и экономике, чем к политике.

В современном дискурсе употребления слова «диалог» также приобретают новые виды контекстов. Вместо вертикального диалога между Партией и обществом, как в дискурсе перестроечного периода, среди множества различных борцов за политическую власть возникает горизонтальный диалог, как, например, в предложении (4), взятом из интервью с лидером одной из политических партий:

(4) Конституционное совещание показало возможность диалога всех политических сил России.

Для того чтобы перейти от вертикальных отношений превосходства и субординации к горизонтальным отношениям переговоров, современные политики также используют метафору принадлежности к той или иной стороне, характерной для политического дискурса при устоявшемся демократическом строе, как показано в таблице 3.

Метафоры *сторонник* и *противник* имеют буквальные значения «тот, кто за» и «тот, кто против» соответственно. Хотя эти метафоры употребляются в коммунистическом авторитарном дискурсе, они используются только в отношении международной политики. СССР является

неизменным *сторонником*, в то время как *противники* – это неизменно иностранцы или люди внутри коммунистического мира, ведущие подрывную деятельность вместе с иностранцами. В современном дискурсе эти термины начинают обозначать политические группировки. Они также связаны с появлением политического *спектра*, состоящего из партий или объектов выбора с цветовой маркировкой, такой как «красные», «коричневые» и «белые». И хотя «красный» конечно, появляется в авторитарном дискурсе, довольно удивительно, что даже Компартия СССР, в противоположность своим историческим предшественникам, не обозначается как «красная». «Стороны», конечно, также являются метафорами для объектов выбора, причем как в русском, так и в английском языках для описания выбора есть идиома «с одной стороны ... с другой стороны». Обозначая политику как акт принятия какой-либо стороны, новые метафоры для русских подразумевали наличие объектов выбора в политике.

И снова современная частотность более близка к обоим показателям языковой частотности, хотя их схожесть необходимо рассматривать с осторожностью, так как подавляющее большинство языкового употребления составляют цветные термины, используемые больше буквально, чем метафорически. Кроме того, частотность метафорических употреблений в современном политическом дискурсе, возможно, немного превышает соответствующую частотность в языковом дискурсе.

Таблица 3. Метафоры сторон.

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики

Политика	Стороны
Авторитарная	0.2
Перестроечная	0.2
Современная	1.2
Язык 1977	2.1
Язык 1993	1.7

В итоге, когда советский авторитаризм уступил место Российской демократии, метафоры, описывающие политические отношения, изменились. Количество метафор, располагающих коммунистиче-

ское руководство над обществом, уменьшилось, сменившись сначала метафорами, сравнивающими отношения между руководителями и обществом с диалогом между равными субъектами. Они были, в свою очередь, вытеснены метафорами подчинения государственной власти обществу и метафорами, сравнивающими политику с выбором между противоборствующими сторонами. Политический дискурс, который в авторитарный период значительно отличался от русского языка, стал более близким к нему в перестроечный период, а в современный период стал от него количественно неотличимым. Важным вопросом для обсуждения является предшествование изменений в российском дискурсе соответствующим переменам в политических институтах.

Политические метафоры и демократизация: следствия какой-то более «глубинной» причины? Хотя связь между изменением в метафорах и процессом демократизации при предшествовании первого была показана только на примере России, было бы совершенно неудивительно обнаружить похожие модели, включающие некоторые иные отдельные метафоры, и в других примерах. Одна из метафор сторон – различие между «правыми» и «левыми» – встречается повсеместно в демократическом дискурсе, также как и метафора диалога или переговоров между этими сторонами. Напротив, метафора «монументальности», характерная для советского авторитарного дискурса, встречается повсеместно в дискурсе монархического строя и диктатуры, так же как и метафоры воспитания, отеческой опеки монарха или диктатора. Во многих случаях еще предстоит провести эмпирическое исследование, особенно по документированию того факта, что метафорическое изменение предшествует переменам в политических институтах, но есть все причины предполагать, что российская модель окажется типичной.

Остается вопросом, почему нечто, кажущееся таким слабым и недолговечным, как метафора, должно обладать способностью трансформировать нечто такое долговечное и сильное, как фундаментальные политические институты, а в особенности, не может ли изменение в метафоре быть следствием какой-либо

более «глубинной», более «основательной» причины. Дело в том, что политологам не удалось, несмотря на многочисленные попытки в течение многих лет, разработать ни одной вразумительной теории демократии. После внимательного и тщательного изучения результатов двадцатилетних исследований процесса демократизации компаративист Barbara Geddes пришла к следующему заключению: «Кажется, что должно существовать сжатое и неоспоримое объяснение процесса демократизации, однако предложенные на данный момент объяснения являются сложными и сбивающими с толку, они даются без учета основных методологических тонкостей, чаще они более полезны в качестве описания, нежели объяснения и необычайно противоречат друг другу».

Затем исследователь замечает, что «после 20-ти лет наблюдений и анализа в период третьей волны научного интереса к демократизации, мы можем быть вполне уверены в существовании положительной связи между [экономическим] развитием и демократией, хотя мы и не знаем причины этого». Но даже эта связь оказывается довольно слабой. Все наиболее развитые страны кроме одной являются демократиями (исключение составляет Сингапур), все наименее развитые страны кроме нескольких – не демократии (исключение составляют Монголия и Бенин). Но на промежуточных уровнях, как, напр., на уровне России, различия в экономическом развитии не кажутся столь важными.

Фактически, даже вполне квалифицированное и продуманное утверждение Барбары Геддс преувеличивает связь между экономическим развитием и демократией. Хотя синхронический анализ обнаруживает тот факт, что наиболее развитые государства являются демократиями, диахронический анализ показывает, что в этих государствах процесс демократизации начался тогда, когда их экономическое развитие достигло только промежуточного уровня, на котором экономическое развитие и демократия независимы. В большинстве государств, являющихся на данный момент демократиями, процесс демократизации начался в XIX веке, когда экономическое развитие начиналось, но не зашло слишком далеко. В нескольких современных демо-

кратиях, таких как проигравших во Второй мировой войне Японии, Германии и Италии, которые стали демократиями в период оккупации союзниками после 1945 года, процесс демократизации начался, когда доля ВВП на душу населения была очень мала. А если показателем является достижение демократии, которое можно определить как получение всем взрослым населением права голоса, США является примером государства с очень высоким уровнем экономического развития, которое не считалось полностью демократическим до 1965 года. Само собой разумеется, что высококоразвитая довоенная Германия совершенно не была демократической.

Итак, несмотря на десятилетия усилий, политологам не удалось найти более «глубинной» или «основательной» причины, следствием которой является как процесс демократизации, так и любое связанное с ним изменение в метафорах, чего можно было бы ожидать, если бы исследование было проведено на широком ряде примеров. Конечно, если демократизация связана с трансформацией политических метафор, найти такую более «глубинную» или «основательную» причину не представляется возможным. Это объясняет тщетность политологических поисков. Согласно определению, метафора выражает свой предмет путем упоминания какого-либо другого предмета, предполагаемого схожим, но и обладающим отличиями. Если авторитарные руководители метафорически возвышают себя и свою деятельность по отношению к управляемому ими населению или метафорически сравнивают себя с влиятельными правителями, а население – с воинскими званиями и колоннами, эти метафоры значимы, так как в реальности правители *не больше*, чем население, и население *не стоит смирно*. Другими словами, производство метафоры – это самостоятельный творческий акт, не производный от какой-либо другой физической или социальной реальности, кроме метафорической. Следовательно, причиной изменения метафорической модели в связи с политическими изменениями является не что иное, как сама метафора. И, безусловно, понимание каузальности как «глубинной» или «основательной», а также «приблизительной» и «конечной», является од-

ной из пространственных метафор, при помощи которых люди понимают именно каузальность, а не фактическое качество причины. Таким образом, такое искусственное и непостоянное понятие как метафора вполне может обладать свойством причинности.

Каким образом метафоры обла- дают каузальной силой в отношении процесса демократизации: преодоле- вая нелогичность коллективного дей- ствия. Хотя процесс демократизации является изменением как институциональ- ным, так и поведенческим, теоретики сконцентрировались на институциональ- ности, игнорируя поведение, что отчасти привело к заблуждениям. Хотя процесс демократизации означает введение мно- гопартийных выборов, этот институт не имеет смысла, если люди (не обяза- тельно все) не перейдут от политической пассивности, характерной для недемо- кратических режимов, к политической активности, характерной для демократии. До этого не допускавшие до борьбы за власть, сейчас люди должны стать на ту или иную сторону в политике. Поначалу их активистская деятельность может принимать формы восстания, мятежей или протестов; эти формы поведения время от времени возникают и в устояв- шихся демократиях, но обычно сменя- ются гораздо менее затратной деятель- ностью голосования. Неоспоримая тео- рия демократии отсутствует частично по- тому, что, несмотря на десятилетия эм- пирических исследований и солидный объем накопленных данных, у политоло- гов все еще нет теории голосования. Эм- пирические корреляты голосования – возраст, образование, доход, политиче- ская приверженность, политическая ак- тивность – уже являются общепризна- нными, но они не образуют теорию. Един- ственная вразумительная теория голосо- вания – анализ рационального выбора – к сожалению, довольно недвусмысленно и твердо предсказывает, что почти все воздерживаются от голосования.

Чтобы объяснить, почему люди мас- сово участвуют в голосовании, требуется найти причины, по которым люди идут на затраты голосования, не получая никакой внешней выгоды, равнозначной этим за- тратам. Тот же самый вопрос является центральным для изучения других форм коллективного политического действия,

такого как протест, мятеж или восстание. Как и голосование, эти формы поведения являются затратными по времени, уси- лиям и риску. Люди могут достичь цели без личного участия в этих формах про- теста, при вовлеченности достаточного количества других людей. Но они могут и не достичь цели, несмотря на личное участие, при вовлечении недостаточного количества других людей. Хотя парадок- сальность этих действий широко из- вестна как «логика коллективного дейст- вия» (что должно, скорее, называться *нелогичность* коллективного действия), менее известны результаты индивиду- алистического анализа затрат и результа- тов для подавления, являющегося опре- деляющей характеристикой недемокра- тических режимов. Если все перейдут от размышлений о затратах и результатах действия к размышлениям о самих себе, подавление становится как ненужным, так и невозможным. Оно становится не- нужным, так как подавление стремится препятствовать формам поведения (напр., принятию чьей-либо стороны в политике), которым уже воспрепятство- вала нелогичность коллективного дейст- вия. Оно становится невозможным, так как само подавление является формой коллективного действия. Оно требует за- тратной поддержки со стороны полиции, солдат, знати и руководства, из которых никто не сможет поддерживать политиче- ский порядок собственными силами, а может благополучно уклониться от под- держки, продолжая при этом получать жалование.

Хотя иногда случается, что автори- тарные руководители, предвидя народ- ные потрясения, предотвращают про- тесты, заранее соглашаясь на создание института выборов, процесс демократи- зации – это переход от одной формы управления к другой форме. При изуче- нии коллективного действия оказыва- ется, что оно близко связано с понятием *идентичность*. Десятилетия эмпириче- ских исследований показали, что голосо- вание в наибольшей степени связано с партийной идентификацией, т.е. с утвер- ждением голосующего, что он или она идентифицирует себя с той или иной по- литической партией. Партийная иденти- фикация является, в свою очередь, осо- бой политической формой общего про- цесса формирования социальной иден-

тичности. Лабораторные исследования, проведенные социальными психологами, обнаружили три характеристики социальной идентичности, которые объясняют ее связь с голосованием и вероятность ее связи с политическим подавлением и его спутниками – восстаниями, мятежами и протестами. Первая характеристика касается принятия затрат. В лабораторных экспериментах, когда люди получают сигнал общей с другими социальной идентичности, они добровольно оплачивают свои затраты и налаживают те же затраты на членов своей социальной идентичности. Это происходит, если принятие затрат своей группы налагает большие затраты на членов какой-либо противостоящей группы – т.е. проводит дискриминацию в отношении противостоящей группы. Вторая характеристика касается восприятий. Люди, получающие сигнал общей социальной идентичности, стереотипизируют противостоящие группы. Третья характеристика касается способности дискурса сигнализировать людям общую социальную идентичность. Чтобы вызвать затратные дискриминацию и стереотипизацию, ему достаточно дать сигнал субъектам эксперимента, что они являются членами одной группы, противостоящей другой группе. Ни одной из групп даже нет необходимости существовать на самом деле. Эти три характеристики социальной идентичности – затратная дискриминация, стереотипизация и дискурсивная сигнализация делают возможным факт объяснения метафорами процесса демократизации.

Метафоры советского авторитарного дискурса установили интересную модель социальной идентификации, типичную для недемократической формы правления. Когда советские руководители описывали себя и свои действия как высокие или большие, этим они подразумевали, что те, которыми они руководят, являются низкими или маленькими. Руководители усилили это послание, описывая себя как высокие чины, как дающих задания, как воспитывающих, в то же время подразумевая подчиненность и покорность тех, кем они руководят. Эти сигналы разделили советский народ на противостоящие социальные идентичности руководителей и руководимых. Но ключевым моментом является то, что

только представители руководства получали метафорические сигналы позитивной социальной идентичности. Руководители называли себя «высокими», но они никогда не упоминаются как «низкие». Как сказал И. Сталин, который определил характерные для советского авторитаризма институты: «Или вы ничто в глазах партии, или вы полноправный член партии». Стандартная советская терминология повторила это определение, разграничив положительную идентичность *коммунист* и остаточную идентичность *беспартийный* – отрицательное значение которого выражается как в русском, так и в английском языках ("non-party person") отрицательным префиксом. Получая сигналы положительной политической идентификации, руководители режима мотивировались на дискриминацию массы беспартийных; лишенное таких сигналов, управляемое население оставалось коллективно пассивным, хотя некоторые личности протестовали публично, а многие приняли скрытые формы протеста, такие как мелкое воровство и вандализм. Дискриминация населения приняла форму идентификации и изоляции через заключение в тюрьму, депортацию или помещение в психиатрические лечебницы всех, кто мог послать населению положительные сигналы другой политической идентичности, что могло бы спровоцировать коллективное действие, направленное против режима.

Когда Политбюро во главе с М. Горбачевым прекратило посылать прежние сигналы и перешло к новым метафорам, официальное подавление стало разобщенным, а смельчаки стали понимать новые сигналы, то это сделало возможным коллективное участие в диалоге, к которому призывало руководство. Так как постоянное сравнение Партии и общества, проводимое Политбюро, сохранило разделение социальных идентичностей, чувства народа к органам государственной власти были по большей части оппозиционными. Новые общественные движения, появившиеся в период 1985-1991 гг., ставили своей целью отстранить существующие полномочные органы от власти. Будучи еще слабыми, все еще находясь под страхом подавления, время которого уже подходило к концу. Лидеры этих движений могли первоначально скрывать свои мотивы за слоганами в

поддержку М. Горбачева и его Перестройки, но по мере того, как подавление дезорганизовалось все больше и больше, движения переродились в уличные протесты, требующие конца авторитарной власти и установления полной демократии.

По мере того как в период между 1991 и 1993 гг. новая политика набирала силу, и исчезали старые метафорические сигналы горизонтального раскола, разделяющего руководителей и руководимых, люди постепенно перестали рассматривать политическую элиту как носителей отдельной социальной идентичности. Те люди, которые ранее стереотипизировали Политбюро и его членов, начали получать от политиков сигналы, вошедшие в их собственную повседневную речь. Сигналы общей социальной идентичности, связывающие политиков и общество, дали людям возможность увидеть разницу между соперниками, борющимися за политическую власть. Видя различия, они начали присоединяться к политике, которого находили похожим на себя. Новые политические деятели стимулировали это различие путем введения метафоры сторон. Это привело к установлению в обществе вертикального раскола, отделяющего группы политических деятелей с их сторонниками от групп соперников. Эти новые метафоры сторон и цветов употреблялись менее регулярно, чем концентрированные метафоры размера и превосходства, характерные для авторитарной формы правления. Соответственно новые партийные идентичности в демократической России были менее прочными, чем концентрированная, бескомпромиссная идентичность коммунистического авторитаризма. Вместо того чтобы мотивировать подавление политических оппонентов, удалось только мотивировать голосование. Даже уличные демонстрации и другие формы протеста уже не собирали столько народа и не были столь частыми, несмотря на сокращение подавления, которое продолжалось в ослабленных формах почти до конца Горбачевской эры. Это правда, что в конце первого этапа современного периода в Москве между 21 сентября и 4 октября 1993 года произошло короткое, бурное восстание и его подавление, но даже в этом волнении участвовало очень небольшое количество человек, по не-

скольку тысяч с каждой стороны, и оно было быстро и легко подавлено.

Метафоры могут объяснить процесс демократизации с помощью своей способности посылать сигналы социальной идентичности. Метафоры недемократического типа посылают сигналы разделения общества на верха и низы, высокие чины и подчиненных, родителя и ребенка, дающего и получающего задания. Эти метафоры показывают различия между активной группой, которая получает положительные сигналы своей идентичности и пассивной группой, которой сигналы идентичности не посылаются. Результатом этого является тот факт, что первая группа дискриминирует в форме подавления, в то время как вторая группа воздерживается от коллективного противодействия. Отказ от таких метафор приводит подавление к концу путем прекращения подачи сигналов особой социальной идентичности руководителей, и трансформирует поведение народа. По мере того, как люди начинают различать соперников в борьбе за власть, они начинают принимать стороны, которые как им говорят политики, неожиданно появились. Не получая сигналы высокой интенсивности, люди принимают участие только в низкозатратной деятельности, особенности в голосовании.

Заключение. Хотя изменение в метафорах во время процесса демократизации было продемонстрировано только на примере России, можно считать, что количество примеров можно увеличить. Если это так, то политическая каузальность метафор полностью подтверждается. Во-первых, как метафоры, так и политика способны к систематическим изменениям. Во-вторых, изменение в метафорах связано с политическими переменами. В-третьих, если метафоры изменяются первыми, их можно будет идентифицировать как экспланаторные переменные, так как их способность сигнализировать общую социальную идентичность объясняет переход от подавления через протест к голосованию, что является процессом демократизации. Безусловно, теорию, которая видит причину демократии в изменяющемся дискурсе, включающем систематические изменения в метафорах, легко опровергнуть. Первым способом опровержения будет обнаружение примера процесса демо-

кратизации, которому не предшествует изменение в политических метафорах. Вторым способом будет обнаружение третьего фактора, предшествующего как изменению в метафорах, так и процессу демократизации. Несмотря на пять или более десятилетий напряженных усилий, социологи не смогли найти такой фактор. Независимость от экстралингвистических условий, которая входит в определение метафоры, объясняет невозможность нахождения такого фактора.

© Ричард Д. Андерсон (мл.), 2007

© Чащина С. С., Шабанова Т. А.
(перевод), 2007

Тодд Белт
Хило, США

**Перевод: Камышева О. С.,
Кушнерук С. Л.**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ ПУТЕМ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Abstract

Metaphor is thought to have significant persuasive capacity as a linguistic device. This is particularly true in the realm of political thought. To date, most research on metaphor has taken political persuasion through metaphor as axiomatic, failing to describe, much less demonstrate, the causal connection between metaphor and political opinion. In this paper, I develop a theoretical framework for explaining political persuasion based on the concept of metaphorical framing. I integrate the literature on schema, heuristics, emotions and values in order to develop the theory, and conclude with a discussion of empirical considerations of the complex interactions postulated by the theory.

Использование метафор в политических дебатах имеет повсеместное распространение. На уровне межгосударственных отношений политики нередко прибегают к метафорам для обоснования избранного курса, называя противоборствующего лидера тираном, например «Саддам Хусейн – это Гитлер» [Lakoff 1991]. В иных ситуациях лидеры по аналогии связывают вопросы политики с событиями прошлого, как, например, в случае с Соединенными Штатами, которые «стремятся избежать второго Вьетнама» (Khong 1992; см. также Beer and De Landsheer 2004; Paris 2002). В этом смысле метафора выступает средством объяснения чуждых и незнакомых концептов в более доступных понятиях. Использование языкового средства способ-

ствует извлечению сути из сложной информации и, с одной стороны, облегчает восприятие идей, с другой, – может стать приемом введения в заблуждение [Nogales 1999].

Высокая частотность обращения к метафоре подчеркивает значимость приема, но не обязательно свидетельствует об эффективности его использования в целях политического убеждения. Научные исследования, посвященные изучению убедительности политической метафоры, главным образом основаны на принципах риторики и дискурс-анализа. Эти публикации сосредоточены на языковых моделях и стратегиях убеждения, оставляя без внимания каузальные механизмы реализации приема. Исследования медиа-эффектов, в особенности те, в которых реализуется когнитивный подход к эвристике, схеме, моделированию, политическим ценностям и эмоциям, дают ключ к пониманию причинной обусловленности метафорического убеждения. Проанализировав их можно обосновать теорию, описывающую механизм убеждения посредством метафор.

Теоретические основы. Обсуждение того, как человек подвергается убеждению посредством метафор, нужно начать с процесса формирования политических взглядов. Политология имеет богатую историю изучения того, как политика концептуализируется в сознании людей. В начале прошлого века Валтер Липпманн отметил, что для большинства людей политика «недосягаема, вне поля зрения и сознания» [Lippmann 1922: 18]. По существу, политический мир для обществу подобен «фильму с участием актеров» [Lippmann 1922: 18].

Доказывая, что уровень политической грамотности среди населения был необычайно низким [Converse 1964], ранние исследования наводят на мысль о возможной манипуляции сознанием избирателей. В более поздних публикациях приводятся аргументы в пользу «познавательной пассивности» избирателей (Fiske and Tayler 1991; Lau and Sears 1986; Lodge and Hamill 1986; Lodge and McGraw 1991), которые не тратят энергию на осмысление политики и не имеют достаточных политических знаний для обоснования собственного мнения [Zaller 1992]. Утверждается, что мнения формируются по прошествии длительного вре-